

20 лет свободы Церкви

Интервью журналу «Фома» (2011 г.)

— Алексей Ильич, какой путь проделала на Ваш взгляд Русская Православная Церковь за 20 постсоветских лет? Этот своего рода юбилей настраивает на то, чтобы говорить в основном о позитивных изменениях, произошедших в Церкви за 20 лет, о том, что удалось сделать. Состоялось ли, как порой говорят, второе крещение Руси?

— Изменения во внешней жизни Церкви, конечно, очень большие, хотя и неоднозначны. В первые годы новой власти Церковь получила такую свободу проповеди и всех направлений своей деятельности, которых она не имела уже сотни лет. Эта свобода в определенной степени еще сохраняется. Главный положительный результат новой политики государства — очень многие вспомнили о забытой вере отцов и вернулись в Церковь, стали участвовать в таинствах церковных и, что самое важное, менять свою жизнь на основе учения Евангелия. Начался бурный процесс реставрации и строительства храмов, восстановления монастырей, открытия духовных учебных заведений, теологических факультетов и богословских кафедр при университетах, интенсивного развития книгоиздательства, расширения сети церковных СМИ. (Хочется при этом отметить создание органа, контролирующего издание церковной литературы.)

Святейшим Патриархом Кириллом энергично осуществляется реформирование деятельности всех структур Церкви. В частности, в январе 2009 года был создан такой новый орган как Межсоборное присутствие, на котором в специальных комиссиях рассматриваются давно уже требующие своего разрешения многочисленные вопросы церковной жизни. Это - далеко неполный и самый общий перечень тех начинаний и дел, которые осуществлены за последние 20 лет.

Но есть, естественно, и целый ряд проблем на этом пути.

Первое — наследие недавнего государственного атеизма, которое привело к тому, что наш народ не просто в значительной степени потерял веру, но, что еще хуже, усвоил и ложные взгляды на религию вообще и на христианство в особенности. У немалого числа людей православная вера и ее святыни рассматриваются не как источники духовного и нравственного изменения своей жизни на основе Евангелия, но, главным образом, как мистические средства решения чисто земных, бытовых проблем.

Это очень опасная тенденция, ибо она может при полном сохранении православного богослужения, таинств, обрядов, праздников и проч. низвести христианскую веру до языческого состояния. Потому не редко можно слышать о необходимости «второго Крещения» Руси. Усилия в этом

направлении предпринимаются. Но они наталкиваются на большие трудности. Главная из них — острый недостаток духовно опытных и богословски образованных людей, способных заниматься миссионерской и катехизической деятельностью. Надежда подготовить таковых на специальных курсах, например, для педагогов Основ Православной культуры (ОПК) требует очень большой осмотрительности, чтобы не допустить здесь ошибок, которые могут привести к самым печальным последствиям.

— О чем идет речь?

— Опыт показывает, что даже из выпускников семинарии и академии, проучившихся 5-7, 8 лет далеко не все способны к такого рода деятельности. Тем более, опасно возлагать надежды на тех, кто прослушал какой-то краткий курс лекций (в течение одного-двух лет или нескольких месяцев, не говоря уже об уровне самих лекций). Может произойти то, о чем рассказывал игумен Никон (Воробьев, 1894-1963), как им преподавали Закон Божий. Эти уроки, говорил он, по причине слабой подготовленности учителей превращались у нас в часы острот и кощунств. Они воспитывали не христиан, а атеистов, из которых вскоре вышло немало гонителей Церкви. Об этом же писал и протоиерей С.Н. Булгаков, ушедший из семинарии по причине такой «катехизации». Это звучит, кажется, неправдоподобно. Но известно, что среди самых злостных борцов с религией при советской власти действительно было немало именно бывших учеников духовных школ. Поэтому, если теперь дело христианского *просвещения* пойдет по такому же пути, то неминуемо вновь приведем народ к тому же печальному состоянию, о котором так ярко писал, например, митрополит Вениамин (Федченков) в своих книгах «На рубеже двух эпох», «Письма о монашестве» и др. Стремление просветить *быстрее и сразу всех* неподготовленными учителями, не способными в подавляющем большинстве случаев ответить на вопросы учащихся, может только дискредитировать Церковь. Спешка в этом вопросе к добру не приведет.

— И что же делать?

— По-видимому, дело миссии и катехизации должны осуществлять те выпускники академий и семинарий, которые будут специально рекомендованы Учеными Советами для такой деятельности. Это могут быть как миряне, так и священнослужители.

В качестве же первых шагов для создания кадров педагогов ОПК, воскресных и других начальных духовных школ, Церковь могла бы подготовить соответствующие видео- и аудио- курсы по конкретным темам, пригласив для этого лучших специалистов. Эти материалы стали бы незаменимым пособием для всех преподавателей, связанных с вопросами изучения Православия, и могли бы охватить всю страну. Создание таких курсов оказалось бы очень полезным и для родителей, и воспитателей, и

вообще для всех интересующихся проблемой христианского воспитания подрастающего поколения.

— Какие еще негативные причины?

— Объективной и очевидной причиной является принятие нашей страной западного понимания свободы, которая, скорее, является освобождением темных (и часто самых низменных) сторон человеческой личности, нежели возможностью развития идеалов честности, любви, красоты. В настоящее время у России не осталось, фактически, никаких идеологических границ с остальным миром, охраняющих ее от проникновения любых, в том числе духовно и морально разрушительных идей. В результате, наш народ совершенно неожиданно оказался перед лицом бесчисленного множества разнообразных «духов», как западных, так и восточных, из которых многие открыто противостоят православному мировоззрению и крайне негативно воздействуют на нравственный климат всего общества. Особенно опасны те либеральные тенденции, которые проникают в церковную среду. Не случайно, один из епископов как-то сказал: не понимаю, что же хуже, атеистический коммунизм или демократическая вседозволенность?

— А что сделать не удалось, или даже пошло не так, как должно было пойти?

— Если нет сомнений, что задача Церкви полностью определяется той целью, с которой пришел Христос. А эта цель ясна - исцеление души человеческой от страстей, от погружения сознания исключительно в сферу земных потребностей: что есть, что пить и во что одеться (Мф. 6; 31), в искание только «хлеба и зрелищ», то станет очевидно, на что должно быть направлено основное внимание Церкви. Но всю историю христиан преследует искушение «исправить» Христа, и в качестве приоритетной задачи рассматривать свою **внешнюю** деятельность (богословскую, церковно-хозяйственную, социальную и проч.), а не работу над очищением своей души, которая, по слову Христа, дороже всех благ этого мира (Мф. 6: 25). Ведь очевидно же, что можно и горы свернуть, и тысячи исцелить и накормить, и при этом самому остаться во власти всех страстей.

К чему в таком случае может прийти церковь, если она главное внимание своих чад будет обращать не на душу, а на *тело*? Это хорошо иллюстрирует западное христианство. Плоды его уже давно очевидны. Там, несмотря на полную религиозную свободу, идет интенсивный отход от Христа Евангелия и откровенное устремление к «христу» мамоны, даятелю земных благ и развлечений. Об этом много писали и наши святые подвижники (Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Оптинские старцы, Иоанн Кронштадтский), и светские мыслители и писатели (А.С. Хомяков, Ф. Достоевский, К Леонтьев и др.). Активная *внешняя* деятельность

католической и протестантских церквей вместо воцерковления мира привела к полному их омирщению.

Так, в своей интересной книге-дневнике «Только в России есть весна!» наша современница Татьяна Горичева писала: *«Время после II Ватиканского собора, на решения которого любят ссылаться наши либералы и экуменисты - это отнюдь не время его расцвета и побед, но время лавинообразного вторжения в церковную жизнь мирского секулярного духа».* *«По сути, были сняты все тормоза на пути к широкой либерализации церкви. Об этом мне довелось услышать в личной беседе из уст кардинала Ратцингера»* (ставшего папой Бенедиктом XVI). *«Сегодня месса длится 15-20 минут. Отменили обязательную исповедь перед Причастием... исповедь практически исчезла из приходской практики... и абсолютно понятные службы, ведущиеся на итальянском или немецком, прихожане почти совсем перестали посещать. Религия мало кого интересует. Пост сократился до одного-двух дней в году»*, перед Причастием он - один час и т.д.

Западные церкви буквально поглощаются современной «наркоманической» культурой, об опасных последствиях которой предупреждал отец Серафим (Роуз): *"Новое искусство празднует рождение новой человеческой особи, нижеестественной и глубоко порочной"*.

— Отражается это на Русской Церкви?

— Наша Церковь в наступившую эпоху либерализации всех форм общественной и культурной жизни оказалась в трудном положении. И поскольку спрашиваете, то упомяну о некоторых из негативных явлений, проникающих в церковную жизнь.

Первое и главное, наверное, это идея, на первый взгляд миссионерская, но в действительности разрушительная для Церкви — открыть врата монастырей для мира, и монашествующих погрузить в дебри мирских проблем. Результат от такой инициативы может быть только один. О нем хорошо сказал авва Исаия: *безумен тот, кто «взяв лом, разоряет свой дом, желая устроить дом его».* Дом монашеской жизни с открытыми вратами непременно будет разорен не только всевозможной суетой, совершенно уничтожающей главное в монашестве — молитву, но и всякого рода соблазнами, которые, кстати, всё чаще оборачиваются самыми нежелательными последствиями. Особенно опасно — вовлечение монашества в молодежные движения. Ибо, как огонь и солома не могут быть вместе, так и монашествующие, тем более молодые, — в обществе девушек и юношей. Исаак Сирин это прекрасно выразил: *“Целомудрие и беседа с женщиной – то же, что лъвица с овцой в одном доме”*. Думаю, понятно каждому, что нельзя служить Богу и мамоне (Мф.6:24), и воссоздавая из оставшихся развалин монастырские корпуса и храмы, открывая новые обители, в то же время заполнять души монашествующих заботами и соблазнами мира сего. Особенно поражает тенденция брать на работы в мужские монастыри молодых женщин, и свободный выход (точнее, выезд)

монашествующих в мир. Не разрушается ли этим изнутри самое чистое, по идее, в Церкви — монашество?

А вот другое. Вошли в практику фото-, кино-, телесъемки богослужения, точнее, совершающих его. И если бы это делалось еще из незаметного уголка, никому не мешая и не отвлекая внимания ни священнослужителей, ни молящихся, то, возможно, было бы в чем-то оправдано. Но нет! *Они* ходят по храму, расталкивают людей, допускаются даже в алтарь, ослепляют своими вспышками и осветителями народ, разрушая всю молитвенную атмосферу в церкви - одним словом, превращают храм в съемочную площадку, а богослужение в какое-то шоу. И это на фоне торжественного: *Оглашеннии изыдите!* Что сделал бы Христос, придя сегодня на такое богослужение?!

Понятна еще трансляция Патриаршего Богослужения, поскольку оно имеет значение для пространства всей Церкви, и предназначено, в частности, для многих верующих людей, не имеющих возможности прийти в храм, и которые, хотя бы перед экраном телевизора, смогут ощутить Праздник. Но как часто всё это делается *для себя*, ибо никакого миссионерства в этом нет.

Или еще, не просто присутствие, но и участие священнослужителей (даже монахов) в рок-концертах, их эстрадные выступления, церковные мероприятия по случаю масленицы, футбольные команды священнослужителей, боксеры-священники... исполнение священником шутовской роли в фильме. Неужели подобные явления несут *свет Христов* в мир?! Такое «миссионерство», пожалуй, посильнее любого института научного атеизма.

Очень хочется надеяться, что эти и другие аномалии — ещё не упорядоченные явления затянувшегося «переходного» периода от атеистического тоталитаризма к долгожданной свободе. Но, конечно, проблема сохранения православной церковной культуры приобретает всё большую напряженность.

Всё, довольно. Больше не буду говорить.

— Рок-певец Юрий Шевчук недавно заявил, что Церковь у нас также больна как все общественные и политические институты. Вы согласны? Можно ли говорить о ее внутреннем кризисе? А если нет, то почему, например, наши приходы не становятся центрами жизни в спальных районах?

— Церковь — это не дом отдыха, а больница, в которой страдающий духовными недугами (по словам аввы Дорофея, их три основных: *славолюбие, сребролюбие, сластолюбие*) может получить соответствующие рекомендации и лекарства. И ожидать, чтобы в этой лечебнице находились только здоровые люди, было бы странно. Она всегда наполнена больными, и в этом смысле всегда находится в кризисе. Но оценивается она не по этому признаку, а по тем «врачам» и тем «препаратам», которые в ней находят нуждающиеся. И до тех пор, пока Поместная церковь сохраняет

неповрежденным учение о главнейших догматических истинах и основах духовной жизни, она остается реальной здравницей, могущей оказать помощь своим пациентам.

Общественные же и политические институты нацелены исключительно на обеспечение народа материальными и культурными ценностями. Однако все они без опоры человеческого сознания на веру в Бога и в вечную жизнь личности легко загнивают и расшатываются. Достоевский очень хорошо это выразил: *«Только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле»*. *«Без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, немыслимо и невыносимо»*.

Так что болезни Церкви и внецерковных институтов принципиально различны.

В отношении наших приходов. Одной из главных причин, что они не становятся центрами жизни, является очевидное увеличение людей, не видящих в себе никаких духовных болезней: ни зависти, ни гордыни, ни алчности, ни лицемерия... Они «здоровы» в своих глазах. А здоровому зачем идти в больницу — вдруг найдут болезни? Пусть грешники идут в храм. Прав был святитель Феофан Затворник, когда сказал: *«Сам дрянь дрянью, а всё твердит: я не такой, как прочие человецы»*.

— Можно ли назвать Церковь сегодня значимой общественной силой и стоит ли ей стремиться к этому, и если да, то как и в каком смысле?

— Что значит *значимой* и *общественной*? Если говорить по существу, то Церковь это не просто общество людей с единым мировоззрением, общей дисциплиной, одними нормами жизни и т.д. Она есть единство в Духе Божьем всех тех, кто искренно стремится жить по Евангелию, а не по нормам так называемой *ущербной общечеловеческой морали*. (Правда, *единство в Духе Божьем* становится тайной за семью замка'ми даже и для верующих.) Потому значимость Церкви в обществе определяется не количеством крестившихся и причастившихся в ней, не политической и общественной активностью ее членов, а только уровнем их духовной и нравственной жизни, степенью их веры, любви к людям, честностью и искренностью. Об этом сказал Христос: Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего (Мф.5:16). В этом состоит главная общественная сила и значимость Церкви. В этом ее особенность.

— Какие основные проблемы и вызовы, на Ваш взгляд, сегодня стоят перед Русской Церковью?

— Я уже сказал о некоторых либеральных, прозападных явлениях, которые проникают в нашу Церковь, в ее духовную жизнь. Они прежде всего бросаются в глаза. Главная же проблема, конечно, это процесс омирщения, с неумолимой силой идущий на нас, главным образом, с Запада. Из других

проблем мне хочется в первую очередь выделить состояние церковного пения, поскольку преимущественно оно создает атмосферу в храме во время богослужения. И очень печально, когда вместо помощи в молитве хор какой-нибудь итальянщиной отнимает последние ее остатки у верующих. Вызывают, например, глубокое недоумение в прямом смысле развлекательные концерты во время Запричастного, разрушающие молитву, особенно необходимую в данный момент, и у причащающихся священнослужителей, и у готовящихся к причастию мирян.

Можно указать на, фактически, неприкасаемых лжестарцев, всегда фанатичных и агрессивных, на калечащие психику и больных, и здоровых людей так называемые отчитки, на продолжающееся распространение монашеских постригов вне монастырей, служение монахов на приходах. Вызывают, по-прежнему, тревогу межхристианские (экуменические) контакты, особенно с Ватиканом, поскольку не дается ответа на главный вопрос: что положительного они могут принести вере и духовной жизни нашего народа? Неоднозначное отношение высказывается и к вводимой в духовные школы западной т.н. Болонской системе образования.

Проблемы, естественно, есть во всех сторонах церковной жизни: в межцерковных, церковно-общественных, административных, экономических, кадровых, в духовном состоянии монастырской и приходской жизни, соборности на церковном и епархиальном уровнях и др. Многие из них стали объектом внимательного рассмотрения на Межсоборном присутствии.

— Многие упрекают наше духовенство в недостаточном уровне образованности, что “попы у нас безграмотные”. Говорят, что в семинарии берут почти без конкурса, что в священники рукополагают не совсем подходящих кандидатов. На это оппоненты отвечают, что Церковь испытывает кадровый голод, и откуда брать кадры? Как можно, одним словом, на Ваш взгляд, повысить уровень духовенства и духовного образования?

— Прежде всего, следует сказать, что за последние 20 лет общеобразовательный уровень поступающих в духовные школы реально повысился. Об этом говорю на основании того, что происходит в Московских духовных академии и семинарии. Каждый год приблизительно одна треть абитуриентов поступает, имея высшее светское образование. Существует сектор Заочного обучения духовенства. Конечно, это не снимает проблемы полностью. Поэтому сейчас разрабатываются программы по переподготовке и повышению образовательного уровня всего духовенства. Это не просто, но, как говорят, «лиха беда — начало».